

Есть такие уютные кондитерские, в которых продается домашняя выпечка и всякие вкусности и сладости. И запах в них такой ванильно-притягательный, что невозможно не залипнуть у витрины. Но в этой кондитерской залипали не только из-за фейерверков розочек и корзиночек, а из-за литературы. Точнее, классической литературы. А еще точнее, из-за литературных монологов в исполнении Даши Лепехиной. Даша училась в восьмом классе одной из московских школ и была девочка особенная, даже одаренная. Еще в раннем детстве родители заметили, что Дашенька может повторить сказку слово в слово, услышав ее всего один раз. Но феноменальная память и невероятная любовь к чтению, как ни странно, не сделали Дашу любимицей публики в маленьком возрасте, а растущее увлечение классической литературой и вовсе помогло к восьмому классу заполучить прозвище «БВ», что в значит «белая ворона», или точнее — «бесит всех». Даша знала, как называют ее одноклассники, но несколько этим не смущалась, ведь за ней стояли ее настоящие друзья: Дон Кихот, Мышкин, Болконский, Алеша Карамазов. И разве можно, зная глубину их души и широту мысли, вибрировать на эти пошлые и туповатые шуточки? Так что обособленное положение в школе совершенно не мешало Даше жить, учиться и читать, то есть заниматься своим любимым делом. Но кроме чтения у Даши было еще одно увлечение — собирать букеты из конфет. Ее богатое воображение, феноменальная память в чтении прозы и любовь к магазинчику родителей — все это объединялось и выливалось в прекрасные конфетные букеты, истинные произведения искусства. Даша два раза в неделю приходила в магазин, и это было для всех настоящим событием. Для постоянных клиентов заранее выносились стулья, все приходило за полчаса, занимали места, чтобы посмотреть, как Даша, надев белый фартук, начинала собирать свой очередной шедевр. А вот собирала она его как одна из ее любимых героинь. Каждый букет сопровождался то монологом Карениной, то взбалмошной Пеппи, или милейшей Джейн Эйр. Естественно, что каждый такой букет был неповторим в своем исполнении. И назывались они соответственно: «Сон Наташи», «Взгляд Катерины». Да и раскупались они благодарными слушателями сразу. В этот день настроение у Даши было смешливое. Ее одноклассник Филя случайно увидел, как Даша, выходя из школы, привычным жестом стянула черное каре и натянула кепку на свои короткие, белоснежно-кукольные волосы. Филя бежал в школу с криком: «Она и правда белая!» Это развеселило Дашку, и ей сразу захотелось почитать что-нибудь легкое и дурашливое. Выбор пал на монолог Липочки из пьесы Островского «Свои люди — сочтемся». Даша, уже надевая фартук, представляла себя этой необразованной, напыщенной особой. И в такт монологу, букет получался яркий, крикливый, как сама Липочка. Полина Андреевна, пожилая женщина, постоянная слушательница и поклонница Дашиного таланта, со знанием дела всем шепнула «Липочка» и поправила свою элегантную шляпку. А Даша продолжала: «Больше всего не люблю я танцевать со студентами да с приказными. То ли дело отличаться с военными! Ах, прелесть! Восхищение! И усы, и эполеты, и мундир, а у иных даже шпоры с колокольчиками. Одно убийственно, что сабли нет! И для чего они ее отвязывают? Странно, ей-богу! Сами не понимают, как блеснуть очаровательнее! Ведь посмотрели бы на шпоры, как они звенят, особенно, если улан али полковник какой разрисовывает — чудо! Любоваться — милодорого!» Редкие люди, заходя в магазин, сразу вникали в суть происходящего, тихонечко останавливались и слушали вместе со всеми. Все напоминало театр с декорациями и главной героиней, которая почему-то обращалась не к зрителям, а к молчаливым и послушным конфетам в ее руках. «Военный — уж это сейчас видно: и ловкость, и все, а штатский что? Так, какой-то неодоушевленный!» Как раз в этот момент, когда Липочка рассказывала о своей любви к военным, в магазин зашел Платон. О Платоне надо рассказывать отдельно. Этот шестнадцатилетний подросток относился к тем людям, о которых говорят «баловень судьбы». Это

когда тебя любят и тобой восхищаются. И за что бы такой человек ни брался, все как-то само получается. Красивый, умный, занимающийся в театральной студии, он имел только один незначительный недостаток — искренне не видел себе равных. И тут совершенно случайно, в маленькой кондитерской, он встречает это невероятное создание, которое читает Островского так, что забываешь, что это Островский, что это магазин, и что он пришел купить торт для своей бабушки. «Он танцмейстер, а не кто-нибудь другой. (Задумывается.) Воображаю я себе: вдруг за меня посватается военный, вдруг у нас парадный сговор: горят везде свечи, ходят официанты в белых перчатках; я, натурально, в тюлевом либо в газовом платье, тут вдруг заиграют вальс. А ну как я перед ним оконфужусь! Ах, страм какой! Куда тогда деваться-то? Что он подумает? Вот, скажет, дура необразованная! Да нет, как это можно! Однако я вот уж полтора года не танцевала! Попробую-ка теперь на досуге. Раз... два... три... раз... два... три...» Букет был готов! И Даша, развернувшись к аплодирующей публике, уперлась глазами в Платона, который загоразживал своей спортивной фигурой расположившихся бабушек. — Привет! А ты знаешь, что ты — «милое чудо»? Я, наверное, не первый, кто тебе это говорит. — Первый. Я Даша. — Платон. Можно я приглашу тебя... — Платон несколько замялся, ведь их разговор был как продолжением театральной постановки, которая только что закончилась. Все, кто был в магазине, продолжали сидеть. Они слушали их разговор, почти не дыша. — Можно пригласить тебя в кафе? Предлагаю поесть мороженого и познакомиться. Платон чувствовал, что его обычная уверенность дала небольшой крен. Даша посмотрела на папу. Он одобрительно кивнул. — Иди, конечно! Мороженое сейчас в самый раз. Тут Полина Андреевна подошла к Платону. Она строго посмотрела на молодого человека. — На вас, молодой человек, лежит огромная ответственность, раз вы решились пригласить нашу Дашеньку в кафе. Придет время, и она будет блистать на сцене. А таких людей надо беречь. У них хрупкие души. У Платона было ощущение, что он попал в какое-то шоу или в другое измерение, и к обычной человеческой жизни происходящее не имело никакого отношения. Поэтому вести себя он решил соответственно ситуации. Платон весь выпрямился. Щелкнул каблук и со всей учтивостью обратился к пожилой даме: — Я понимаю ваше беспокойство и уверяю вас, что мои намерения честны. Я никак не обижу нашу талантливую актрису. Полина Андреевна еще раз смерила его опытным взглядом: — Ну, посмотрим. Через полчаса они уже ели мороженое и наперебой делились своими любимыми писателями. Какое же это счастье, когда ты не один в своих увлечениях, когда тебя понимают. Даша чувствовала себя счастливой. Она влюбилась без памяти. Впервые, сразу, с первого взгляда! И с каждой секундой это чувство усиливалось. Платон называл ее «милое чудо» и дул на ее кукольные волосы. — Они у тебя белые, как у ангелочка. — Они крашенные. — Если любого покрасить — сразу фрик. А ты нереальная. Знаешь, у каждого человека есть свой цвет. Вот ты оранжевая. — А ты какой? — А я так... серый... — Ой-ой. Ты же от себя в восторге? — Да, ты права. Просто рядом с тобой пытаюсь быть объективным. Ну, хорошо, если быть до конца точным, то ярко-серый. Они смеялись. Их разговорам не было конца. Платон восхищался удивительными способностями Маши, ее умению перевоплощаться, сострадать, мечтать. Платон очень серьезно готовился к конкурсу чтецов «Живая классика». И вот однажды он заехал за ней в школу на велосипеде, к которому была привязана сотня шариков. На каждом из шариков были написаны имена всех Дашкиных любимых литературных героев. Весь класс прилип к окнам посмотреть, как БВ уезжает на багажнике велосипеда, который вот-вот взлетит. — Сегодня я победил в школе и вышел на окружной конкурс. Всего три победителя из двенадцати московских округов выйдут на городской конкурс. И уже если войти в тройку победителей города — едешь в Артек! Чтобы победить на окружном конкурсе, Даша подобрала Платону потрясающий отрывок из «Планеты людей» Экзюпери, и они репетировали с ним на всех лавочках и улочках их любимого Замоскворечья. Даша была неугомонна. — Ты должен здесь напрячь сердце. Их сердца тебя не услышат, если твое будет молчать. — Даш, так, как ты, все равно там никто не читает, а значит, конкурентов у меня нет. Хотя жаль, что ты не в конкурсе, поехали бы вместе в Артек, — Платон это сказал легко, между прочим, дунув на белоснежную Дашину голову. Как же она раньше не догадалась! Конечно, она должна

сделать ему сюрприз и встретиться с ним на городском конкурсе. Они вместе поедут в Артек. По-другому и быть не может. Дашины мысли просто взрывались у нее в голове, пока она шла в школьную библиотеку. — Добрый день, меня зовут Даша Лепехина. Я из 8 «Б» и хочу принять участие в конкурсе «Живая классика». — Как интересно! А меня зовут Нелли Борисовна, и я вас не знаю. Вы проучились в нашей школе до восьмого класса и умудрились остаться незаметной. Я вас не видела ни на одной постановке нашего театра, ни на одной из школьных линеек, и вдруг — «Живая классика»! — Так вы меня запишите на конкурс? — Нет. — А почему? — Потому что в этом году наша школа не участвует в конкурсе. Никто, кроме Дарьи Лепехиной, желания участвовать не изъявил. — Хорошо, отправьте на окружной конкурс от нашей школы меня одну. — Мне кажется, что я уже вам объяснила... Но Даша не дала договорить возмущенному библиотекарю и начала читать. Она читала один монолог за другим. Нелли Борисовна плакала и смеялась. Ее сердце трепетало и пело, а когда все закончилось, она вытерла глаза и посмотрела на Дашу. — И где же вы прятались все эти восемь лет? Даша поняла, что прошла на окружной конкурс... и медленно стянула с себя свое каре. — Под париком. На окружном конкурсе Даша с восторгом слушала других ребят. Она такая не одна. Здесь все, как и она, любят читать. Но когда объявили ее, и Нелли Борисовна одобрительно кивнула, Даша осознала, что впервые будет читать лицом к зрителям. Ей придется выступать не за прилавком их кондитерской, а руки не будут привычно собирать конфетный букет. Паника охватила Дашу с ног до самой макушки. Пока она поднималась на сцену, ее разум лихорадочно искал спасение — и нашел! Вот она! Это несказанная радость, которая не покидает ее с той самой минуты, как она увидела Платона. Вот и опора для этой ветреной, необразованной Липочки. Этот образ теперь крепко связал себя с Дашей. Первая любовь — именно из-за нее она сейчас стоит здесь, на сцене. Даша чувствовала, как тело перестало дрожать, в руках появилась сила, а лицо озарила глупая улыбка Липочки. Она блистала! Когда жюри в тройке победителей назвало Дашу, ребята просто кинулись ее обнимать и поздравлять. Впервые за нее радовались сверстники, а не бабушки в магазине. Впервые ее поддерживали такие же, как и она. Как сильно хотелось позвонить Платону и рассказать про конкурс, и что она сделает все, чтобы поехать вместе с ним в Артек. Даша глубоко вдохнула и медленно выдохнула, потому что надо чуть-чуть подождать, нельзя испортить сюрприз. Она дотерпела до самого конкурса, дотерпела до того момента, когда зашла в фойе Центральной библиотеки на городской конкурс. Платон, разговаривавший с миленькой девушкой, заметил Дашу и сразу подошел. — Ну ты даешь! Хоть бы сказала, что придешь. Я и так нервничаю, а теперь вообще задержуюсь под твоим строгим взглядом. — Я хотела сделать тебе сюрприз! — Тебе удалось. — Нет, другой сюрприз. — Есть что-то еще? — Платон был напряжен. — Мы будем участвовать в конкурсе вместе и вместе поедем в Артек! — Даша сияла. — Ты рад? Она полезла в рюкзак и вытащила сложенный лист бумаги, который протянула Платону. Ей так хотелось броситься ему на шею, но Даша вдруг увидела какое-то странное выражение на лице самого дорогого для нее человека. В это время к ней подошла Нелли Борисовна. — Пойдем. Надо зарегистрироваться, потом поговорите. Даша продолжала смотреть на неподвижное лицо Платона. Что-то очень тревожное зашевелилось в сердце этой тоненькой, но очень сильной девочки. Платон вышел из оцепенения и поднял глаза на Дашу. — Рад?! Ты думаешь, мы тут вдвоем соревноваться будем? Я год готовился, а теперь на мое место залезешь ты?! А ведь ты знать не знала про этот конкурс, пока я тебе не сказал! Сюрприз решила сделать. Я тебя просил?! Дашины глаза расширились с каждым словом, которое он произносил. Ее тело перестало слушаться. Она уже не чувствовала, как Нелли Борисовна сгребла ее в охапку и куда-то повела. Как в тумане она зашла в зал, как в тумане она смотрела на Платона, читающего ее письмо, и как девушка, с которой он стоял, взяла письмо в руки, и тоже стала его читать, хихикая. Даше казалось, что из жизни ушли звуки. На сцену выходили один за другим ребята, но она не слышала их, как не слышала и свою фамилию, пока Нелли Борисовна, сидевшая рядом, не растолкала ее. Она сильно сжала Даше руку. — Иди, девочка. По условиям конкурса ты должна читать Липочку, но какая уже теперь разница. Иди и скажи ему. Все скажи. Даша словно очнулась. Она вышла на сцену, обвела всех взглядом и увидела Платона. Он сидел во втором ряду и смотрел

куда-то вниз, себе под ноги. Пауза затянулась. Зал зашевелился. Даша вдохнула... и вдруг она начала читать монолог Сони из «Дяди Вани» Чехова. Кто-то в жюри хотел прервать, ведь была заявлена другая проза, но председатель жюри остановил его жестом. Зал замер. Каждое слово отпечатывалось в глазах зрителей, никого не оставив равнодушным. Платон смотрел на Дашу, и с каждой секундой он чувствовал себя все хуже и тяжелее. Огромное желание выиграть конкурс сделало его попросту малодушным. Мысль о том, что он поступил подло, вонзилась в него и больше не отпускала. Он обидел ее! Ее, которая сейчас раскрывала сердца и тревожила души. «Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое - наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою как ласка. Я верую, верую...» Когда Даша закричала «Верую!», наступила та самая тишина, которая называется дыханием зала. А потом все конкурсанты, все победители окружных этапов, не договариваясь, встали и зааплодировали! Платон тоже стоял вместе со всеми. Даша сошла со сцены, подошла к нему и протянула руку. — Пожалуйста, отдай мне письмо. Я перепутала адресата. Даша шла по их любимому Замоскворечью, а слезы капали, капали и капали, не останавливаясь. Она шептала свое письмо, и ей казалось, что это не она, а одна из ее любимых героинь читает монолог, и когда она его закончит, все сразу будет как раньше. «Платон! Дорогой Платон! До тебя вся моя жизнь казалась не настоящей, книжной. Я была Лукреция, трактирщица, Ростова. Я искала в них силу и поддержку, любила и ненавидела вместе с ними, но никогда не была собой, не знала кто я, пока ты не пришел и не подарил мне саму себя. Это ты сделал меня такой свободной и легкой, как ветер. Ты научил меня смеяться пустякам и радоваться жизни. Я никогда никому этого не говорила. Я люблю тебя. Люблю так сильно, что, кажется, сильнее не бывает. Пишу, как Татьяна Ларина, но сказать у меня не хватит смелости. Я пришла на конкурс ради тебя. Выйти из своего убежища казалось невозможным, но благодаря тебе я увидела другой мир, других людей, которые читают, мыслят, рассуждают! Жизнь прекрасна! И все это для меня открыл ты. Я и подумать не могла, что смогу такое кому-нибудь написать. Но я не жалею и счастлива, что этим человеком оказался ты: добрый, умный, великодушный, благородный мой человек». На следующий день Даша не пошла в школу, у нее поднялась температура, и родители оставили ее дома. Она пролежала неделю. К ней приходили Нелли Борисовна, Полина Андреевна, ребята с конкурса, но Даша продолжала пребывать в каком-то отсутствии. Мама принесла целую стопку книг, на самом верху которой лежала «Как закалялась сталь». — Прочитаешь, полегче будет. Лежать было больше невозможно, надо было двигаться, производить какие-то действия, пойти и сделать букет — это всегда помогало. Даша открыла дверь в кондитерскую и остановилась: Платон, в ее фартуке, неуклюже пытался сделать букет, читая при этом монолог Мышкина. А на своих обычных местах восседали почтенные бабушки. Полина Андреевна периодически останавливала чтеца и с серьезнейшим видом вносила свои правки. — Здесь надо свободнее. Откройся зрителю! Они не сразу увидели прислонившуюся к дверному косяку Дашу. Все замерли, почти как в «Ревизоре». Но пауза не может быть слишком затянувшейся. Нужно решать, падать, вставать, идти дальше. Но насколько же легче идти вместе, друзьями.